

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТУВИНЦЕВ

Монгуш А. М., Кызыл (Россия)

Аннотация. В статье делается попытка рассмотреть гендерный аспект в родильной обрядности тувинцев. В традиционном тувинском обществе социализация детей происходила с постепенным освоением гендерных норм, ролей и стереотипов, связанных с их половой принадлежностью. Ребенок уже с момента рождения становился объектом воздействия системы гендерных отношений. Также в сравнительном аспекте рассматривается родильная обрядность некоторых тюрко-монгольских народов. Автор делает вывод, что, приметы и поверья, связанные с предопределением пола будущего ребенка, символические родильные обряды, способствовали гендерной социализации ребенка и подготовке к предстоящей жизни в обществе. В целом, родильная обрядность тюрко-монгольских народов имела схожие черты и главным образом была направлена на защиту и оберегание беременной женщины и новорожденного ребенка.

Ключевые слова: традиционное тувинское общество, гендерный аспект, гендерные отношения, родильная обрядность

GENDER ASPECT IN THE MATERNITY RITUAL OF THE TUVANS

Mongush A. M., Kyzyl (Russia)

Abstract. The article attempts to consider the gender aspect in the maternity ritual of the Tuvans. In the traditional Tuvan society, the socialization of children took place with the gradual development of gender norms, roles and stereotypes associated with gender identity. From the moment of birth, the child became an object of the influence of the system of gender relations. Also in comparative aspect, the maternity rites of some Turkic-Mongolian peoples are considered. The author concludes that the signs and beliefs associated with the predestination of the sex of the unborn child, symbolic birthing rites, contributed to the gender socialization of the child and preparation for the upcoming life in society. In general, the birthing ritual of the Turkic-Mongolian peoples had similar features, and was aimed at protecting and protecting a pregnant woman and a newborn child mainly.

Keywords: traditional Tuvan society, gender aspect, gender relations, maternity rituals

В традиционном тувинском обществе рождение ребенка всегда было самым желанным и радостным событием в семье. В представлениях тувинцев, семья, имеющая много детей, считалась богатой. Многие исследователи подчеркивали в своих работах особый статус ребенка, например, С. И. Вайнштейн отмечал: «Детей никогда не

били, шлепки как наказание за непослушание применяли редко» [6, с. 141]. Одной из сложных проблем в традиционном обществе была очень высокая детская смертность. По сообщению С. И. Вайнштейна: «Во многих семьях умирала почти половина детей; в среднем каждая семья имела четырех-шестерых детей, а рожали женщины восемь-десять детей и даже больше» [6, с. 141]. Именно поэтому тувинцы большое значение придавали родильной обрядности, в которой было много различных поверий и примет, обычаев и ритуалов, направленных, в первую очередь, на сохранение здоровья и оберегание беременных женщин и новорожденных младенцев.

Отдельные аспекты данной темы освещались еще в работах дореволюционных авторов. Так, по сведениям Г. Н. Потанина, если в семье дети умирали один за другим, то тувинцы проводили специальный обряд, чтобы защитить будущего ребенка [11, с. 27]. Е. К. Яковлев и Ф. Я. Кон в своих работах также обращали внимание на родовую обрядность и описали, к примеру: положение роженицы во время родов, помощь повитух «*тудугжу*», захоронении последа, о способах перерезания пуповины, проведения праздников в честь рождения младенца [14, с. 87–88; 8, с. 140–142].

Гендерные различия в отношении пола человека у тувинцев начинались с момента зачатия ребенка. Приметы и поверья, связанные с предопределением пола будущего ребенка, символические родильные обряды носили гендерный аспект. Так, Ф. Я. Кон отметил такое поверье, по которому угадывали пол: «Если ребенок постоянно бьется в животе – родится девочка, если изредка, но проворно – мальчик» [8, с. 140]. Тувинцы проводили гадание на пузыре свежеразделанной овцы – «*ыйлаңгы*». В зависимости от формы *ыйлаңгы*, они могли предполагать пол будущего ребенка. Интересные приметы, связанные с определением пола будущего ребенка, описала Е. В. Айыжы у тувинцев Монголии: «Считалось, что, если у женщины на лице появляются пигментные пятна, скорее всего, она носит мальчика; если же цвет кожи на лице не меняется, вероятно, будет девочка. Если беременной во сне снятся мужские принадлежности, такие как нож, огниво, плетка и т. д., то родится мальчик, если увидеть во сне украшения, иголку, цветные материалы, то родится девочка. Если форма живота овальная, то родится девочка, если круглая – будет мальчик. Если матери хочется сладкого – будет дочь, а если кислого, соленого – сын» [2, с. 417]. Все эти приметы, предсказывающие пол ребенка, позволяют нам судить о том, что, еще не родившись, он уже наделялся четкой гендерной природой.

В тувинских семьях рождение мальчика, как и у других тюрко-монгольских народов, всегда было желаннее, нежели рождение девочки. В историко-этнографической литературе встречаются примеры, подтверждающие важность рождения сына в кочевой семье. Сын в традиционных представлениях тувинцев воспринимался как продолжатель рода, опора, главный помощник, «...в нем видели будущего охотника и кормильца» [2, с. 415]. «Все сойоты желают иметь детей мужского пола, а не женского, – писал А. В. Адрианов, – потому что с девочкой теряется имя, род и состояние» [1, с. 345]. Ф. Я. Кон отмечал, что «Сойоты брали вторую жену и тогда, когда первая жена не рожала мальчиков» [8, с. 136]. По замечанию М. Б. Кенин-Лопсана, если в семье рождался мальчик, то и благословление было особым [7, с. 114]. Также он отмечал, что если в семье рождались только девочки, то дедушка или близкий к семье старец мог подарить огниво главе семьи, с пожеланиями чтобы у них родился сын [7, с. 160]. Похожие воззрения были у других народов. Например, А. В. Потанина отмечала, что, «Буряты всегда очень желают иметь детей, особенно сыновей, говоря о детях, они подразумевали большей частью мальчиков» [12, с. 24]. У калмыков: «Рождение мальчика встречали с большей радостью, так как он считался продолжателем рода и носителем имени предков» [3, с. 94].

С рождением мальчика и девочки проявлялись гендерные различия в обрядах, сопровождающих это событие. Мужская и женская природа младенца утверждалась в обрядах и ритуалах, в которых использовали соответствующие полу атрибуты и символы. Мужчины во время родов удалялись из юрты, но при этом постоянно находились неподалеку, чтобы в случае необходимости помочь [2, с. 416]. Мужская помощь в традиционной родильной обрядности была необходима в тяжелых, критических ситуациях. По устному сообщению информанта Б. Баярсайхана, у цэнгэльских тувинцев «если женщина не могла долго разродиться или роды проходили тяжело, то мужчина мог произвести выстрелы ружьем или издать громкие звуки металлической посудой, то есть внезапно испугать роженицу – «чождар». Любопытно в этой связи отметить, что у оренбургских калмыков муж выполняет практически идентичные действия: «... мужу полагалось стрелять из ружья над головой роженицы, в то время как родные шумели, что было сил, снаружи кибитки» [3, с. 92]. Ю. Г. Кустова записала интересный способ «помощи» роженице у хакасов «...в юрту неожиданно для роженицы заходил свекор, который своим появлением пугал ее. Он мог подойти к ней сзади и ударить по спине. В обычной повседневной жизни все это было запрещено» [10, с. 30].

Гендерно маркированные предметы использовались и при перерезании пуповины. Обычно выбор инструмента, которым она перерезалась, зависел от половой принадлежности ребенка. Е. К. Яковлев писал, что у тувинцев пуповину мальчика перерезали ножом [14, с. 87] – предметом, символизирующим мужское начало. Схожую традицию отмечал у хакасов В. Я. Бутанаев [5, с. 207].

Гендерное различие отражалось и на цветовой символике родильной обрядности. Л. П. Потапов зафиксировал у западных тувинцев интересный факт. Цвет мешочка, в котором хранили пуповину, зависел от пола ребенка: для девочки – это красный цвет, для мальчика – синий [13, с. 268]. У богатых калмыков в конце XIX – начале XX в., по мнению исследователей, существовал обычай вывешивать разноцветный флаг над кибиткой в знак рождения ребенка. При рождении мальчика, вывешивали флаг с преобладающим желтым цветом, символизовавшим любовь и верность, а при рождении дочери на флаге преобладал красный цвет – символ жизни и радости [3, с. 95]. У южных алтайцев отличались формы мешочков. Так, пуповина девочек зашивалась в мешочек треугольной формы, а мальчиков – ромбической, похожей на наконечник стрелы [13, с. 268]. Любопытно, что стрела как символ мужского начала встречается и в родильной обрядности тувинцев. В работе Г. Н. Курбатского имеются следующие сведения. Например, если в семье родилась дочь, но родители в дальнейшем хотели сына, то женщины могли закопать послед *«уруг сырты»* вместе с маленьким ритуальным луком и стрелой. При этом молились, чтобы бог даровал мальчика [9, с. 174]. Хранение послета также имело гендерное различие. Как отмечает Е. В. Айыжы «...пожилая женщина, принимавшая роды ребенка, выкапывала в юрте ямку глубиной с локоть, причем, для послета девочки – в женской половине юрты, а мальчика – в мужской. Выбирают такое место, где никто не мог бы ходить или наступать на него (под кроватью, сундуками, полками или под стеной)» [2, с. 418].

Большое значение в родильной обрядности тувинцев придавали одежде мужчин: отца и деда, которая по традиционным воззрениям обладала магической, защитной силой. Пеленание в штаны деда должно было защитить младенца от злых духов, сделать его здоровым и крепким [7, с. 157]. Это практиковалось не только у тувинцев, но и у бурят и хакасов [4, с. 63; 10, с. 35].

Таким образом, данные обряды имели большое символическое значение для ребенка, способствуя его гендерной социализации и подготовке к предстоящей жизни в обществе. В целом, следует отметить, что родильная обрядность тюрко-монгольских народов

имела схожие черты и элементы, и главным образом была направлена на защиту и оберегание беременной женщины и новорожденного ребенка.

Литература

1. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое в 1881 году по поручению Императорского Русского Географического Общества // Записки ИРГО по общей географии. Том одиннадцатый. СПб: 1888.
2. *Айыжы Е. В.* Категория «возраст» и отношение к нему в традиционной культуре тувинцев // Казанский педагогический журнал. 2015. № 5–2 (112). С. 415–421.
3. *Бакаева Э. П., Гучинова Э. Б. М.* Магия в обрядах родинного ритуала у калмыков // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение РАН, 1992. С. 89–100.
4. *Басаева К. Д.* Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. Улан-Удэ: Бурят, кн. изд-во, 1991.
5. *Бутанаев В. Я.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Сборник: Традиционное воспитание детей у народов Сибири Ленинград, 1988. С. 206–221.
6. *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы: Ист.-этногр. очерки. М.: Вост. лит., 1961.
7. *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006.
8. *Кон Ф. Я.* Экспедиция в Сойотию // За пятьдесят лет : в 3 т. М. : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев. 1934. Т. 3.
9. *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001.
10. *Кустова Ю. Г.* Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 160 с.
11. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883.
12. *Потанина А. В.* Рассказы о бурятах, их вере и обычаях с 14 рисунками. 2-е изд. М., 1912.
13. *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
14. *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900.